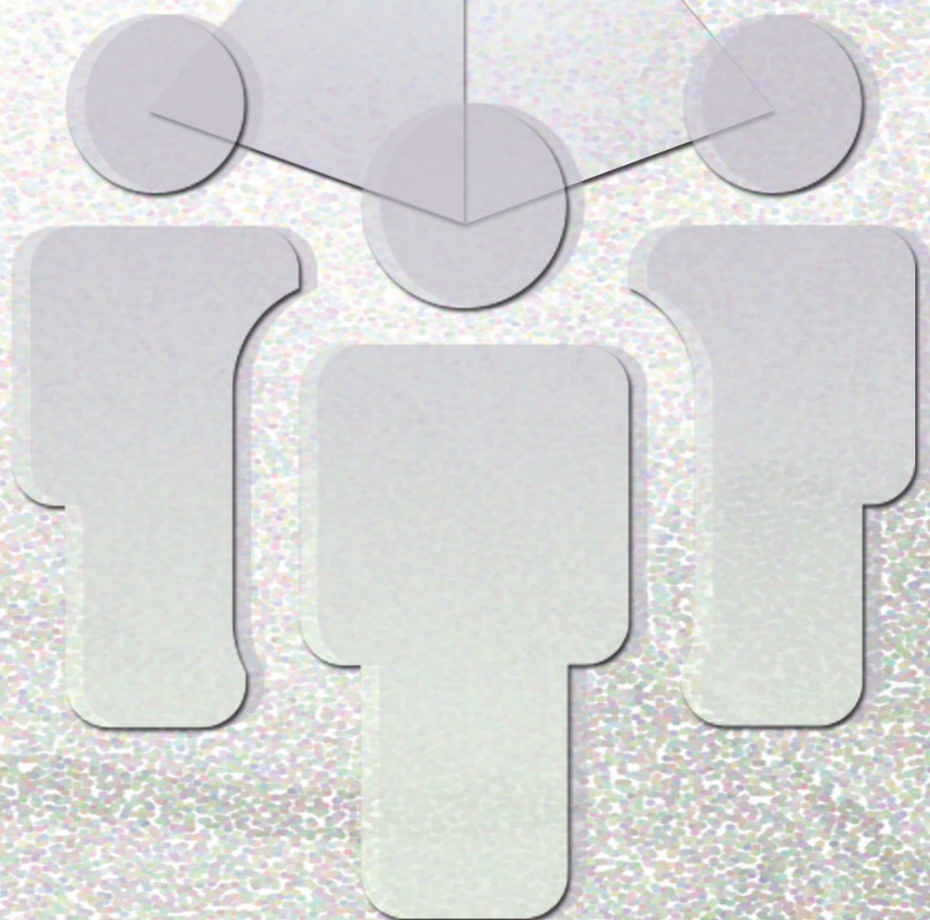

В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова

ЧЕЛОВЕК

в трех измерениях

Валерий Губин

Человек в трех измерениях

«Российский государственный гуманитарный университет»

2017

УДК 111
ББК 87

Губин В. Д.

Человек в трех измерениях / В. Д. Губин — «Российский государственный гуманитарный университет», 2017

ISBN 978-5-7281-1894-7

Признавая важность типизации человека по различным основаниям и плодотворность таких усилий в понимании человека, авторы пытаются выработать системно-философский подход и предлагают рабочую гипотезу, согласно которой человеческое бытие имеет три измерения – это «человек естественный», «человек искусственный» и «человек сверхъестественный», или, другими словами, «дочеловек», «человек» и «сверхчеловек». Это не три стадии развития человека, не три типа, а одновременно существующие в каждом человеке три ипостаси. Для специалистов философов, преподавателей и студентов вузов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 111

ББК 87

ISBN 978-5-7281-1894-7

© Губин В. Д., 2017
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

Содержание

Предисловие	6
Введение	15
Человек естественный	24
Утраченный рай	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Валерий Дмитриевич Губин,
Елена Николаевна Некрасова
Человек в трех измерениях**

©Губин В.Д., Некрасова Е.Н., 2010

©Губин В.Д., Некрасова Е.Н., с изменениями, 2018

© Российский государственный гуманитарный университет, 2018

* * *

Предисловие

В этой книге мы, отталкиваясь от многочисленных попыток типизации человека по различным основаниям и признавая важность и плодотворность таких усилий для понимания человека, пытаемся выработать системно-философский подход и предлагаем рабочую гипотезу, согласно которой человеческое бытие имеет три измерения – «человек естественный», «человек искусственный» и «человек сверхъестественный», или, другими словами, «дочеловек», «человек» и «сверхчеловек». Это не три стадии развития человека, не три типа, а одновременно существующие в каждом человеке три ипостаси; при этом одна (например, дочеловеческая) может быть более развита, а человеческая и сверхчеловеческая существуют скорее виртуально, чем реально.

Данную типологию можно выразить и во временных терминах: «естественный человек» – это человек прошлого, «искусственный» – человек будущего, а сверхчеловек – человек настоящего. Естественный человек, как архаический, так и современный, массовый, все время обращен к вечным образцам и архетипам, созданным когда-то в прошлом. И это позволяет ему построить защиту против ужаса непредсказуемо развивающейся истории. Прошлое подавляет его своим величием, недоступностью для изменения. В прошлом был золотой век, в прошлом жили великие герои. От того, правильно или неправильно мы понимаем и истолковываем прошлое, зависит наше настоящее.

Искусственный человек – это человек будущего, это всегда проект, он устремлен вперед, для него настоящее – лишь ступенька к будущему, будущее манит, обещает, что за следующим поворотом начнется подлинная, удивительная жизнь. «Сердце будущим живет, настоящее уныло...» (А.С. Пушкин). Для него главная категория – возможность. Возможность – условие свободы. Только она позволяет ему вырваться из мертвящей и давящей необходимости. Искусственный человек всегда озабочен и тревожен, потому что остро переживает открытый перед ним временной горизонт, в котором много неизвестного и то, что не вызывает никаких сомнений, – смерть. Забота есть не что иное, как переживаемая временность. Из этой переживаемой конечности жизни вытекает осознание собственной способности быть, быть свободным.

И наконец, сверхъестественный человек – это человек настоящего, только он может остановить мгновение и жить в нем, в любом восприятии открыть сложность и многообразие мира. Только настоящее актуально, и только оно позволяет нам чувствовать себя живущими здесь и сейчас, позволяет что-то действительно сделать в своей жизни, а не воевать с призраками прошлого и обманываться обещаниями будущего.

Дочеловеческое – это животное начало, полное энергии, первобытной силы, начало бездуховное, наивное. Та часть нашего существования, которую можно назвать естественным человеком, – это индивид, слепо верящий всему, что ему говорят от имени общества и государства, человек «стада» (Ницше), сентиментальный, как ребенок, и жестокий, как зверь, преданный и жадный, ни к чему не стремящийся, не обладающий какими-либо талантами и способностями и ничуть этим не озабоченный. До-человеческое измерение – неисчерпаемый и необходимый ресурс для человека и сверхчеловека. Оно составляет как бы базовый слой, базовую модель человека.

В «дочеловеческой» ипостаси индивид не обременен рефлексией, не мучается проблемами собственного предназначения, в определенном смысле он постоянно пребывает в детском возрасте, и можно только позавидовать его слепой вере в прошлое, в то, что бывшее однажды будет таковым всегда. Согласно Г. Гурджиеву, каждый человек имеет сущность и личность. Сущность – это характер человека, совокупность его самых простых реакций на других людей, то, что складывается с самого детства и потом почти не меняется. Личность – это то, что мы получаем извне: знания, умения, правила жизни. Личность – это то в нас, что не наше.

У большинства людей очень мало своего собственного. Все, что у них есть – идеи, убеждения, взгляды, – большей частью взято из разных источников. У большинства людей сущность развивается до 12–15 лет, пока формируется характер, и потом останавливается в своем развитии. А личность может развиваться сколь угодно долго. Человек заканчивает школу, университет, пишет книги, становится известным ученым, а в своей сущности он остановился в развитии уже давно, в сущности он остался наивным ребенком. Он ведет себя беспомощно и глупо, когда нужно принять важное решение относительно своей судьбы или судьбы близких, он верит на слово всевозможным политическим демагогам и проходимцам. Случается, что некоторые аспекты сущности останавливаются в своем развитии в пять-шесть лет, а дальше все собственное кончается. Остальное оказывается чужим: или взято из книг, или создано благодаря подражанию готовым образцам. Бывают случаи, когда сущность растет параллельно личности, но в условиях современной цивилизованной жизни они весьма редки. Сущность имеет больше шансов развиваться у простых людей, которые живут в трудных условиях борьбы и опасностей. Но, как правило, личность у таких людей развита очень слабо, им не хватает воспитания и образования, не хватает культуры.

Алкоголь или наркотики могут усыпить личность, она как бы исчезает на время, и остается одна сущность. «И случается так, что человек, полный всевозможных возвышенных идей, симпатий и антипатий, любви, ненависти, привязанности, патриотизма, привычек, вкусов, желаний и убеждений, оказывается совершенно пустым, лишенным каких бы то ни было мыслей, чувств, убеждений и взглядов. Все, что раньше волновало его, теперь оставляет совершенно безразличным. Иногда он видит искусственный и мнимый характер обычных своих настроений и громких слов, а иногда просто забывает о них, как будто их и не было... Все, что ему удается найти в себе, – это несколько инстинктов, наклонностей и вкусовых предпочтений. Он любит сладкое, любит тепло и не любит холода, ему неприятна мысль о работе; или же, наоборот, ему нравится идея физического движения. Это все»¹.

Человек в естественном состоянии – это человек неразвитой сущности, в нем человеческое существует еще в потенциальном виде, он подобен ребенку, обещающему стать взрослым, умным, порядочным, успешным. Но далеко не всем удается выполнить это обещание. Поэтому Ницше и говорил, что человек – это великое обещание.

Дочеловеческое, естественное существует и в искусственном человеке, и даже в сверхчеловеке, потому что гений – это человек, сохранивший в себе детское начало, детскую впечатлительность, человек, так никогда и не ставший взрослым. И как ребенок, он остается ближе к природе. Вообще непонятно, чего больше в гении – природного или человеческого. Гением надо родиться, им нельзя стать. В определенном смысле гений также является моделью человека, только не базовой, а идеальной. Он – свидетельство того, на что способен человек, какие в нем скрыты великие потенциальные возможности.

Наша «искусственная ипостась» существует только в постоянном напряжении между двумя полюсами – сверхчеловеческим (поскольку человек есть образ и подобие Божие, в нем может проявиться гениальность, например, в любви, в поисках смысла жизни; он способен на такие действия, которые не имеют естественной причины: любовь, свобода, долг и т. д.), и дочеловеческим (человек никогда не может освободиться от агрессивности, злобы, зависти, ненависти, как бы его ни «дрессировали», как бы он себя ни дисциплинировал, ни развивал свои душевные и духовные качества).

Только в своем «искусственном состоянии» человек начинает размышлять о проблемах своего существования, о тайне своего происхождения, о том, кто он и откуда пришел в этот мир. Только здесь человек начинает постигать принципиальную негарантированность своей жизни ни Богом, ни природой, свою безопорность, только здесь возникает страх перед небы-

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. М., 1992. С. 189.

тием, смертью и страх перед бытием: страх не состояться как человек, страх от безвыходности существования, поскольку он все время знает, что завтра придется снова жить, завтра содержится в бесконечности сегодня. Отсюда ужас бессмертия и вечная драма существования.

А поэтому искусственного человека все время тянет вернуться к природной простоте, к механическому существованию, когда не надо ни за что отвечать, когда не ты напрягаешься и что-либо делаешь, а через тебя делается, мечтается, любится, когда с тебя снимается ответственность за тот способ, каким ты существуешь в мире, когда верится, что рано или поздно тебе автоматически будет отмерено определенное количество добра, мудрости, счастья. Огромное количество всевозможных обществ и общин, пытающихся жить в гармонии с природой, отвергающих достижения цивилизации, а заодно и моральные представления, – все это говорит о том, как сильна тяга человека к естественному состоянию. Так же сильна, как и тяга к сверхчеловеку: хочется стать мудрым, могучим, обладать сверхчеловеческими способностями. В конечном счете – стать Богом. И хотя это бесполезная страсть, но человек без нее невозможен.

Человек никогда не находится устойчиво и постоянно в каком-нибудь одном способе существования, а мигрирует, мерцает, перетекая из одной ипостаси в другую. Это особенно относится к собственно человеческому, т. е. искусственному, состоянию. Если человек – это стремление быть человеком, то это стремление «быть» постоянно, это постоянное усилие. Никто не может сказать себе: ну все, я наконец-то стал человеком. Никто даже не может сказать себе, что он человек. «...В отличие от всех прочих существ человек никогда не убежден и не может быть убежден, что он человек (так же как тигр не сомневается, что он тигр, а рыба уверена, что она – рыба)... Человек, в отличие от остальных существ, никогда не является собственно *человеком*², т. е. самим собой. Быть человеком – значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия. Обычно я говорю, что человек – это драма»³.

Мы все время пытаемся стать людьми, это, собственно, основное наше занятие. Стать человеком не означает получить профессию, должность, добиться уважения окружающих – все это, конечно, важно, но не является основным признаком человеческого существования. Человека все время не удовлетворяют в полной мере все его свершения и достижения. Человек – это только идея, созданная фантазией, воображением, это путеводная звезда, которая освещает нам путь в часы уныния среди мертвой повседневной рутины, серого водоворота будней. Человек является метафорой самого себя потому, что все подлинно человеческие чувства – это вещи невозможные. Невозможна любовь, которая только в краткие минуты жизни посещает человека, а потом растворяется в обыденной суеде и уходит, человек чаще всего любит тогда, когда любить нельзя, когда это опасно, когда угрожает смерть (если в повседневной жизни это не так заметно, то весь опыт художественной литературы, все ее сюжеты и коллизии свидетельствуют о таком положении вещей); невозможна совесть как постоянная и ровная настроенность жизни: если человек не святой, то подавляющее время своей жизни он выкручивается, приспособливается, интригует, лжет и обманывает, чтобы добиться своих целей, мучается от этого, стыдится, переживает и необычайно гордится однажды совершенным совестливым поступком. И совесть, и любовь, и мудрость – эти бытийные состояния, проявления бытия в нас – являются лишь метафорами истинной жизни.

Три измерения нашего бытия сосуществуют так же, как сосуществуют, например, чувственность, рассудок и разум. Будучи противоположными, они дополняют и взаимно обогащают друг друга. Никто не живет только чувствами или только разумом, но у различных индивидов более развито либо то, либо иное начало. Развито до определенного предела, дальше

² Здесь и далее в цитатах курсив источника.

³ *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 490.

которого начинается патология. Так, человек, в котором естественное, природное начало развито необычайно сильно и затмевает все другие ипостаси, больше похож на животное, чем на человека; так же патологичен сверхчеловек, который настолько ушел вперед в своем развитии, что в нем как будто не осталось никаких обычных человеческих качеств: слабости, страха, лукавства, хитрости и душевного трепета. Он словно вылит из одного куска стали и подавляет нас своим величием. В обычном человеческом состоянии все три измерения более или менее сбалансированы, взаимопроникающи, не имеют никаких четких контуров и границ, отличающих одно состояние от другого. Человек не может дать себе отчет, в каком измерении находится сейчас, какая часть его существа вынуждает его поступать так, а не иначе. Почему, будучи в ясном уме и зная последствия своих поступков, он все равно вершит зло? Почему обрекает себя на неизбежное поражение, берясь за такое дело, на выполнение которого заведомо не хватит жизни? Почему огромное большинство людей в зрелом возрасте считают, что еще и не начинали жить, а живут как бы начерно, предварительно? Чего здесь больше – мудрости, верящей в бессмертие души и вечную жизнь, сверхчеловеческого начала или детской наивности, инфантильности?

Главной задачей данного исследования является попытка проследить, как проявляются три вышеуказанных измерения бытия человека в настоящее время, когда человечество все более сливается в безликую однородную массу, когда выходцы из самых нижних, маргинальных, слоев становятся вождями партий, президентами, «отцами нации», а гениальные поэты или композиторы, приспособившись к рыночной конъюнктуре, прославляют их деяния, превратившись в государственных служащих, работающих по найму. Когда «свирепствует» массовая культура, позволяющая любому человеку, овладевшему соответствующей техникой или технологией, удачно симулировать духовную деятельность. Когда сама реальность становится симулякром, разыгрываемым спектаклем. В мире спектакля реальность затмевается гиперреальностью и может существовать только на грани между игрой и реальностью, а «подлинное» и «имитация» неразличимы или даже меняются местами. В мире постмодерна имитация – уже не антипод подлинности, а необходимое ее дополнение. Подлинное, чтобы существовать и оказывать влияние, вынуждено еще и имитировать само себя, в том числе имитировать свою подлинность. Чтобы выжить в этом мире, подлинное вынуждено играть по существующим здесь правилам.

Так, если считать «массу», «стадное состояние» до-человеческим, то теперь без преувеличения можно сказать, что масса живет ныне в каждом человеке. Если во времена Ницше и многие десятилетия позже общество было, упрощенно говоря, поляризовано на массу и элиту, то сейчас любой человек, относящийся к элите по образованию, воспитанию, творческому характеру деятельности, является в какой-то части человеком массы. Он служит той или иной организации, выполняет соответствующие ритуалы, не имеющие смысла с точки зрения жизненной целесообразности, находится под магическим воздействием средств массовой информации, невольно или осознанно разделяет те или иные иллюзии и предрассудки относительно социального устройства, устройства мира, человеческих потребностей. Все меньше у него силы для внутреннего сопротивления миру, где все размыто, неопределенно, где каждый день исчезают одни ценности и, на глазах у всех, опытными политтехнологами конструируются новые. Мы причастны массе в той степени, в какой боимся проявить свое Я, выразить свою индивидуальную позицию. Боимся власти, полиции, цензуры, общественного мнения. Мы причастны массе в той степени, в какой не пытаемся тщательно взвешивать последствия своих поступков, надеясь на благосклонную судьбу, мудрость общества, неумолимость прогресса, благодаря которому в мире, как нам кажется, неуклонно и автоматически уменьшается количество зла. Мы причастны массе в той степени, в какой мы – дети своего времени и отдаемся суеверию злободневных событий и бессмысленной сумятице социальной жизни, не умея оценивать события с точки зрения вечности.

В настоящее время трудно представить себе человека как независимого, обособленного индивида, переживающего свою уникальную экзистенциальную ситуацию помимо власти, которая пронизывает все отношения; помимо усредненного, идеологически выхолощенного языка, на котором этот уникальный индивид должен говорить, хотя бы целях самосохранения; помимо способов осознания и описания человеком самого себя, разработанных философией, социологией, политикой; помимо «стиля эпохи», в который люди погружены и из которого не могут вырваться. Все люди, до мелочей, до самых интимных переживаний, удивительно похожи друг на друга, потому что живут по общим образцам. И чем более они умны и интеллигентны, тем более похожи, ибо много знают и чаще всего не замечают, что приобретенные чужие мысли, чужой взгляд на мир входят в плоть и кровь собственного характера и кажутся своими. Очень многое в личностях не из личного опыта, а из литературы.

Русская литература в XIX – XX вв. создавала шкалу ценностей, по которой судилась эпоха. Подобная гипертрофированная значимость ее иногда выглядела абсурдной, нелепой, но тем не менее всегда имела место: по литературе судили о действительности, в ней видели высший суд. И. Бунин писал в своем дневнике в 1918 г., что литературный подход к жизни отравил нас: всю громадную и разнообразную жизнь России последнего столетия разбили на десятилетия и каждое определили его литературным героем – Чацким, Онегиным, Печориным, Базаровым. Все это, с его точки зрения, совершенная нелепость, ибо героям, которым подражали, было всего по 18–20 лет. Тем не менее никуда не деться от того факта, что по литературным героям судили о конкретной эпохе.

Но дальше – хуже. Если XIX век породил великую литературу, то в XX в. появляются уже не писатели, а «инженеры человеческих душ». И люди начинают подражать Павлу Корчагину, Чапаеву, героям романов А. Панферова или Л. Соболева, писателей, которые в силу их литературной убогости и откровенной идеологичности могли быть отнесены только к «низкой» культуре, но они возносились властью, делались эталоном советского искусства. И люди делали свою жизнь «по Ильичу», «по Корчагину», «по Стаханову», т. е. по персонажам, вымышленным или сконструированным идеологией.

Люди малокультурные, плохо знающие литературу и не зависимые от нее, как, впрочем, и от современных тенденций в живописи, театре, музыке, казалось бы, должны быть более самобытными, но и среди них, как правило, существует огромная масса одинаковых предрассудков. Там господствует мифология, иногда наивная, иногда довольно искусная. Например, главным мифом, наиболее адекватно описывающим русскую историю, является миф о вечном возвращении. Все повторяется, потому что ни из каких исторических уроков не делается выводов, потому что никогда не продумываются до конца причины и следствия социальных потрясений. Есть много других мифов: о богоизбранности русского народа, о загадочной славянской душе, о благодати, которая выше закона, и т. д. Очень действенным является миф о «мире»: навалимся всем миром, на миру и смерть красна и т. д. Вместо декартовского «один на один с миром», «здесь и сейчас» – установок, свойственных искусственному человеку – существует, как говорил в своих лекциях М.К. Мамардашвили, исконно российское – «вместе», «завтра» и «может быть».

Сейчас во многом роль литературы и искусства выполняют СМИ, они формируют вкусы, потребности, интересы человека, который теперь состоит из взаимозаменяемых блоков – можно вынуть один и поставить другой. Ничего не меняется от того, что человек осознает производимые над ним манипуляции. Он может никогда не смотреть телевизор, но он не в силах не приспособиваться к окружающей массе, не говорить на ее языке, разделять ее опасения и надежды, пусть даже недоверчиво ухмыляясь и понимая свою уникальность и непохожесть на остальных⁴.

⁴ Так, идеология советского типа, распространявшаяся на все общество, с неизбежностью создавала на основе естествен-

В современном постмодернистском мире естественное и сверхъестественное, добро и зло, виртуальное и реальное настолько переплелись и настолько взаимообусловлены, что на первый взгляд кажется действительно невозможным разделить их. «Чему противостоит СПИД, не более ли ужасающей вероятности сексуальной эпидемии, всеобщей сексуальной скученности? Та же проблема и с наркотиками; отложим в сторону драматизацию и спросим себя: от чего нас защищают наркотики? Какую увертку представляют они перед лицом еще худшего зла – умственного отупения, нормативного обобществления, универсальной запрограммированности? То же можно сказать и о терроризме: это вторичное, вызывающее реакцию насилие, возможно, защищает нас от эпидемии согласия, от политической лейкемии и упадка, которые продолжают углубляться, а также от невидимого, но очевидного влияния Государства. Все вещи двойственны, все имеет обратную сторону. В конце концов, именно благодаря неврозам человек оказывается надежно защищен от безумия»⁵.

Человек глубоко вовлечен в мир симулякров, где невозможно отличить правду от вымысла, живое от неживого, страсть от имитации. Симулякрами может быть все: любовь, секс, смерть, политика, война. Самодостаточные знаки – симулякры – поглотили собой предметы, т. е. реальность в привычном смысле слова. В симулятивной реальности постмодернистского общества нельзя четко провести грань между «собственно» реальным и «всего лишь» фиктивным. Эта реальность соткана из фикций, и, напротив, эти фикции сделались единственной реальностью. Человек становится симулякром и не может дать себе отчет в том, действительно ли он существует, или через него существуют некие силы, формирующие его и вызывающие его к жизни. Проблема существования – это проблема преодоления кажущейся жизни, которая постоянно преследует нас. Мы часто имитируем жизнь; всякое частичное, нечистое и в этом смысле неполное существование – это всегда имитация. В ту секунду, когда я чувствую себя добрым, эта доброта уже существует в виде имитации: все говорят добрые слова, все стремятся быть добрыми. То же самое происходит, когда я хочу высказать мысль о чем-то. Но нет в мире ни одного обстоятельства и ни одной вещи, о которых уже не высказано много мудрых мыслей. Моя мысль будет только имитацией моего ума, моей способности оригинально мыслить. Вокруг все добрые, все умные, все верующие, и в то же время вокруг столько злобы, глупости и отчаяния, которым вроде бы неоткуда взяться. Следовательно, все вокруг заполнено симулякрами, не отличимыми от истинных образцов. Прорваться через симулякр, через имитацию можно только через попадание в стихию добра, в стихию мысли, в стихию любви, веры. Мысль о чем-либо всегда вторична, о чем бы мы ни думали, что бы ни делали предметом своего размышления, об этом до нас уже думали тысячи людей, и нет необходимости еще в одной мысли. Но есть еще чистая мысль, способность мыслить вообще, попадание в особое состояние, в котором может родиться любая мысль, также и вера есть прежде всего не вера во что-то или в кого-то, но особое состояние души, вера имеет своим предметом веру. Прорваться через симулякры к действительной жизни, ощутить себя живым, а не продуктом манипуляции можно через творчество самого себя, своего слова, своего оригинального, самобытного поступка.

«Единственная ценность, которую мы ищем во всех проявлениях себя и окружающего, – это живое... Реальная человеческая психология строится на оживлении того, что мертво. Мы

ного языка сильно сокращенную версию-манипулятор, словесное орудие, пригодное для употребления на всех уровнях языковой компетенции. Чем выше уровень владения естественным языком, тем больше цинизма требуется от носителя языка для обоснования идеологии. Словесное орудие идеологии должно быть поэтому чрезвычайно просто в употреблении и действовать с одинаковым успехом как на уровне политического лозунга-заклинания, граничащего с бытовым трюизмом, так и на уровне «науки» («научное мировоззрение», «научная обоснованность» каждого политического или хозяйственного решения). Его цель – позволить носителю языка перепрыгнуть пропасть, отделяющую реальное знание от символической убежденности. «Сколько бы некоторые люди ни говорили о себе, что они-де сохраняют “внутреннюю дистанцию” по отношению к внешним ритуалам “тоталитарной” идеологии, они все-таки следуют этим ритуалам и, таким образом, цинично воспроизводят эту идеологию» (Гуссейнов Г. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004. С. 14).

⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 98.

оживляем мертвые слова, мертвые жесты, мертвые конвенции. Единственное наше трепетное, то есть волнующее нас, отношение ко всему этому в действительности сводится к тому, что за всеми симуляторами и привидениями, за вещами – мы ищем жизнь. И себя как живущего. Ибо ощущать себя живым совсем не просто»⁶.

С нашей точки зрения, быть живым – значит пребывать одновременно в трех ипостасях, ощущать в себе жизненную силу породившей нас природы, приходить в отчаяние от невозможности самопознания и адекватного самовыражения, мечтать о радикальном духовном преобразении и верить в то, что есть некий смысл, поиски которого и составляют основной лейт-мотив человеческого существования.

Как отдельный человек не может объективно рассказать о себе, вывернуть себя наизнанку, так и современная наука о человеке – антропология – не может быть беспристрастной, похожей на физику. Антрополог нагружен ценностями своего времени, предпочтениями, философской ориентацией. Но главная трудность заключается в том, что в конечном счете основным объектом исследования является он сам. А о себе он знает меньше всего, слишком близка дистанция. В то же время другие о нем знают еще меньше, потому что, несмотря на всю свою открытость, он остается для других «черным ящиком», вещь в себе, которую в принципе нельзя познать средствами науки, рационально. Мы лучше знаем все то, что не есть мы сами, то, что нас окружает. Человек остается величайшей тайной для самого себя; несмотря на его конечность, его возможности как будто простираются в бесконечность. А посему он не соответствует ни одному единичному существу – только миру в целом⁷.

Ни один образ человека не совпадает с его сущностью, человек есть то, что он делает, на что он оказывается способен, это и совпадает с его сущностью. Поэтому возможности его рационального постижения и описания весьма ограничены. Правда, считал И. Кант, есть другие способы одному человеку узнать другого – надо его полюбить. Полюбить – значит воспитывать внимание и зоркость души к истинной реальности человеческого существа, научить ее воспринимать ценность и притягательную силу этого удивительного создания природы, благодаря чему любовь как субъективное чувство превращается в универсальную любовь – в любовь как общую жизненную установку. Данная книга является попыткой объясниться в любви к человеку, к типичному представителю человеческого рода, которому ничего никогда не удастся толком, который мучается и страдает от этого, но всегда надеется на свет в конце тоннеля. Авторы понимают, что сказать что-то новое о человеке, или хотя на самую малую частицу продвинуться вперед в этой проблеме – почти невозможное дело. Ибо «...ни за что не заплачено было так дорого, как за ту малую частицу человеческого ума и чувства свободы, которая теперь составляет нашу гордость»⁸.

Попытка объяснения в любви вызвана горечью, грустью при осознании внутренней истерзанности человека. Мы убеждены, что человек в его нынешнем виде заканчивает свое историческое существование. Не в смысле М. Фуко, который писал о «смерти человека», полагая, что изменятся составляющие человека и будущий человек сростит себя с кремнием или с компьютером и будет совершенно другим видом. И не в смысле Ф. Ницше, который писал, что человек есть нечто, что должно превзойти. Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью. «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке

⁶ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 128.

⁷ «Личность не часть мира, она соотносительна миру, соотносительна и Богу. Личность допускает лишь соотношение, как встречу и общение. И Бог-личность хочет не человека, над которым Он господствует и который должен Его прославлять, а человека-личности, которая отвечает на Его призыв и с которой возможно общение любви. Каждая личность имеет свой мир. Человеческая личность есть потенциальное все, вся мировая история. Все в мире со мной произошло. Но эта личность лишь частично актуализирована, очень многое остается в дремотном, скрытом состоянии. В глубине, скрытой от моего сознания, я погружен в океан мировой жизни» (Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 24).

⁸ Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск, 1991. С. 16.

можно любить только то, что он *переход* и *гибель*. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо они идут по мосту»⁹. Человек, по мнению Ницше, тогда и становится человеком в подлинном смысле этого слова, когда погибает как человек и становится сверхчеловеком – философом, художником или святым.

Внешними признаками этой истощенности являются продолжающееся и все более увеличивающееся разрушение природы, неуклонный рост насилия, агрессивности, потеря жизненных перспектив у больших слоев населения, секуляризация религии и даже все возрастающая активность людей нетрадиционной половой ориентации, объединяющихся в союзы, партии, движения.

Люди становятся иностранцами на собственной земле, и «родина» и «земля» превращаются только в географические понятия. Сегодня, к примеру, мы говорим о материи, описываем ее физические свойства, но это слово остается сухим, внечеловеческим, чисто интеллектуальным понятием без какого-либо психического содержания. В нем нет ничего от прежнего образа материи – Великой Матери, который мог вместить в себя и выразить глубокий эмоциональный смысл Матери-Земли. То же происходит с духом, который теперь отождествляется с интеллектом и перестает быть Отцом всего. Вся колоссальная эмоциональная энергия, выраженная в образе Отца, ушла в песок. «Наш интеллект неслыханно обогатился вместе с разрушением нашего духовного дома. Мы убедились к настоящему времени, что даже с постройкой самого большого телескопа в Америке мы не откроем за звездными туманностями эмпирей, что наш взгляд обречен на блуждание в мертвой пустоте неизмеримых пространств. Не будет нам лучше и от того, что откроет математическая физика в мире бесконечно малого. Наконец, мы обращаемся к мудрости всех времен и всех народов и обнаруживаем, что все по-настоящему ценное давно уже было высказано на самом прекрасном языке. Подобно жадным детям мы протягиваем руку к этим сокровищам мудрости и думаем, что если нам удастся их схватить, то они уже наши. Но мы не способны оценить то, что хватаем, руки устают, а сокровища все время ускользают»¹⁰.

Начинается эпоха таких глобальных кризисов, на преодоление которых у человечества может не хватить сил. И если оно выйдет из них, то, видимо, с очень большими потерями. Это, прежде всего, энергетический и связанный с ним продовольственный кризис. Все это пока существует подспудно, заглушено громадными успехами науки и техники, политической демагогией и неискоренимым оптимизмом людей. Но, возможно, что уже поздно, возможно, наши идеалы и ценности – это только свет далекой, давно погасшей звезды, что на самом деле все обстоит так, как М. Хайдеггер характеризовал ситуацию с религией. «Христианская вера еще будет – здесь, там, где-нибудь. Однако правящая в том мире любовь уже перестала быть действительно-действительным принципом всего совершающегося теперь»¹¹.

Внутренняя истощенность вызвана все возрастающей расщепленностью человека на три ипостаси, которые ныне чаще всего друг с другом не связаны и друг от друга не зависят. Если раньше «естественный человек» был философско-антропологической абстракцией, одной из мыслимых ипостасей человека вообще, то сейчас естественного человека можно видеть наглядно, как воплощенную абстракцию. В нем нет ничего от человека искусственного, а тем более сверхъестественного. Какую огромную работу должна была провести цивилизация, чтобы человек, вооружившись техническим и научным инструментарием, вкусив в той или иной мере благ цивилизации, перестал рассматривать себя как несовершенное существо, как ступень к высшей стадии своей эволюции. Нет больше сильной личности, способной своей волей и интеллектом одухотворить мир, никто не хочет жить мужественно и самостоятельно,

⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 9–10.

¹⁰ Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991. С. 107.

¹¹ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопр. философии. 1990. № 7. С. 167.

ища на свой страх и риск свой собственный жизненный путь, каждый прячется за другого, живет, подчиняясь общим шаблонам и стандартам, каждый полон сострадания и готов служить другому. Но человек должен жить для себя, пытаться изменить самого себя, из твари сделаться творцом, только тогда он может что-то сделать для других. «Большинство людей, очевидно, *случайно* живут на свете, в них не видно никакой необходимости высшего рода. Они занимаются и тем, и другим, их дарования посредственны. Как странно! Род их жизни показывает, что они сами не придают себе никакой цены, они тратят себя, унижаясь до пустяков (будь это ничтожные страсти или мелочи профессии). В так называемом “жизненном призвании”, которое должен избрать всякий, проявляется трогательная *скромность* людей: они говорят этим, что призваны приносить пользу и служить подобным себе; сосед тоже, а его сосед тоже; и так всякий служит другому, ни у кого нет призвания жить ради себя самого, но всегда ради других; т. е. получается черепаха, которая покоится на другой, а эта на следующей и т. д. до бесконечности. Если цель всякого в другом, то *существование* всех не имеет *никакой цели*; и это “существование друг для друга” – самая комическая из комедий»¹².

Но человек искусственный, потерявший веру в возможность воплощения высших идеалов, уставший от жизни и мечтающий об опрощении и даже активно занимающийся этим опрощением (например, истовым служением власти, какой бы она ни была по своей природе), не менее типичное явление нашего времени¹³.

Что касается сверхчеловека, то ныне это уже «уходящая натура». Есть выдающиеся писатели, художники, композиторы, и каждый имеет свою, иногда очень большую группу почитателей, или, как теперь говорят, фанатов. Но давно уже нет гениев, пользующихся мировым признанием: ни в науке, ни в искусстве, ни в политике, ни в философии. Возможно, кто-либо из ныне живущих еще получит такое признание, но кажется более вероятным, что время великих людей, сверхчеловеков прошло. Говорят, что великие люди в политике появляются в эпоху великих потрясений, но наша эпоха, начиная с Первой мировой войны, – одно сплошное потрясение. И то, что было поразительным и невероятным для прошлых эпох: революции, эпидемии, появление новых религий или гибель большого числа людей, – все это становится обыденностью для нашего времени. Люди не верят ни политикам, ни пророкам и подозрительно относятся к научным открытиям, справедливо подозревая, что их внедрение в жизнь может обернуться катастрофой. И если когда-нибудь явится провозвестник новых горизонтов и откроет новый смысл существования, то он окажется, как полагал Достоевский, в положении Христа перед Великим инквизитором, который скажет ему, что люди малосильны, порочны и ничтожны. «И если за тобой во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного?»

¹² Ницше Ф. Мы филологи // Ницше Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 272.

¹³ «И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которою я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь – вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сгорает со стыда, издевается над своею слабостью...» (Чехов А.П. Иванов).

Введение

Проблема типологии человека в философии XX века

Еще в начале XX в. Макс Шелер писал, что за последние десять тысяч лет истории наша эпоха – первая, когда человек стал совершенно проблематичен. Он больше не знает, что он такое, но в то же время знает, что он этого не знает. И по-прежнему человек предстает перед самим собой как очень необычное, странное создание. Бог или природа сотворили человека, но при этом не дали ему ни определенного места, ни особого наследия. Все другие сотворенные существа имеют заложенную в них более или менее жесткую программу поведения. Человек один ничем не связан: может делать что хочет и быть тем, на что решится по своей воле. Он сам оказался собственным мастером и строителем и должен формировать себя из материала, который ему подходит. Он может опуститься на низшую ступень животного мира, но может и подняться до вершин духовной деятельности. В нем нет никакой предопределенности ни к роду занятий, ни к типу поведения. В нем заложено семя любой деятельности и зародыши любого образа жизни.

Философы во все времена сталкивались с невозможностью дать определение сущности человека, хотя всегда были попытки сделать это: «человек разумный» (*homo sapiens*), «человек делающий» (*homo faber*), «человек играющий» (*homo ludens*). К. Маркс определял человека как животное, производящее орудия труда, Гегель – как млекопитающее с мягкой мочкой уха (в шутку, конечно), Ф. Ницше – как животное, умеющее обещать, и т. д., и т. п. Видимо, дать однозначное определение невозможно: слишком человек многогранен, разносторонен в своих мыслях, делах и свершениях и ни под одно определение не подходит, ни одним определением не охватывается. Точно так же невозможно выделить какие-либо виды или подвиды человеческой популяции, и чаще всего деление на расы, на национальности, по половому признаку, по строению головы совершенно не ухватывает сущности человека.

Философия, как ни странно, ранее никогда не интересовалась человеком. Впервые тема человека как единичного и особенного, уникального и неповторимого, как свободной по своей природе личности появилась только в XIX в. – у А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевского. Только в произведениях этих авторов показан человек страдающий, мучающийся, надеющийся, любящий, т. е. живой человек, а не абстрактная научная конструкция. Вышеназванные мыслители впервые стали говорить о том, что реально существует только единичный, отдельный человек, чья жизнь и свобода не гарантирована ни моралью, ни обществом, ни государством, ни историей или традицией. В классической философии место человека занимали трансцендентальный субъект, самосознание, интеллигенция, Я и т. д. И сами тексты классической философии носили безличностный характер. В силу безличности текстов этих мыслителей складывалось впечатление, что если бы, к примеру, Гегель был совсем другим человеком по своему темпераменту, особенностям характера, привычкам, он все равно написал бы те же самые тексты.

Только в постклассическую эпоху с очевидностью обнаружилась неразрывная связь между личностью автора и произведением. Оказалось, что личность автора – необходимая составная часть произведения. Тексты Ницше или Кьеркегора вытекают непосредственно из особенностей их личности, судьбы, из их трагического мироощущения и «обреченности». Тексты постклассических мыслителей воспринимаются не только как философские произведения, но часто и как художественные, в силу того что их личностное начало выражено намного очевиднее. На афоризмах Ницше или рассуждениях Бергсона лежит такой же яркий и неповторимый отпечаток автора, как на стихах Гёте. «Философом, – писал А. Шопенгауэр, – может быть лишь тот, кто может помимо всякой рефлексии созерцать мир и постигать идеи как худож-

ник-пластик или поэт, но в то же время настолько владеет понятиями, что может отображать и повторять мир»¹⁴.

В текстах этих авторов впервые появляется человек как живая личность и бесконечная проблема. И как литература порождает читателя, так и эти тексты (повлиявшие на все остальные области знания, касающиеся человека, – историю, психологию, этнологию, экономику и др.) создавали человека и формировали его качества. Так что можно согласиться с постструктуралистами: человек не является ни самой древней, ни самой постоянной проблемой из стоявших перед человеческим познанием. Человек, каким мы его знаем сегодня, – относительно недавнее открытие европейской культуры, и вовсе не вокруг него и его тайн «ощупью рыскало познание» (М. Фуко).

В отличие от гуманистов Возрождения со времени Ф. Ницше и Ф. Достоевского философия и искусство видят в человеке не величие, а сложность. Раньше гуманисты стремились показать в человеке все позитивное, возвышающее его до бесконечности. В результате получался не человек, а Бог. Мыслители XIX в. уже полагали, что человек – это тайна, которую надо все время проявлять, анализировать, что всякий человек сложен, простых людей нет. «Сложен всякий человек и глубок, как море, особенно современный нервный человек»¹⁵, – писал Ф.М. Достоевский. Эта сложность выражается прежде всего в том, что человек обладает многомерностью.

В XX в. стали говорить об «антропологическом повороте» в философии, и разговор этот начался не оттого, что накопилось много знаний о человеке, которые нужно было обобщить и систематизировать, но оттого, что возникла ситуация «человеческого кризиса», возникло ясное осознание: человек не является больше господином во Вселенной, он не венец эволюции. Наружу вырвались такие демонические силы злобы и ненависти, подспудно всегда пребывавшие в сознании человека, которые могут в одночасье покончить и с человеком, и со всем живым на земле. Перед человеком остро встала проблема его конечности; не только конечности индивида, но и конечности человечества. Современный человек – продукт многовекового развития и одновременно тяжкое крушение надежд человечества. Осознание собственной конечности порождает постоянно сопровождающее нас чувство случайности (заброшенности) существования и непредсказуемости судьбы.

Именно эта зияющая перед человечеством пропасть и вызвала обостренный интерес к человеку, «антропологический поворот» в философии как попытку найти рецепты спасения человека в самом человеке, в тайнах его тела, души, разума, проверить, действительно ли он является образом и подобием Божьим, или в его душе борются две равные силы – Бог и дьявол, и неизвестно, на чьей стороне будет победа. Человек, считал Карл Юнг, не в состоянии сравнить себя ни с одним существом, он не обезьяна, не корова, не дерево. Он человек. «Но что значит – быть человеком? Я отдельная часть безграничного Божества, но я не могу сопоставить себя ни с животным, ни с растением, ни с камнем. Лишь мифологические герои обладают большими, нежели человек, возможностями. Но как может человек составить определенное мнение о себе? Каждый из нас предполагает некий психический процесс, который мы не контролируем и который лишь частично направляем. Потому мы не можем вынести окончательного суждения о себе или своей жизни. Если бы мы могли – это бы значило, что мы знаем, но такое утверждение – не более чем претензия на знание. В глубине души мы никогда не знаем, что же на самом деле произошло. История жизни начинается для нас в случайном месте, в какой-то особой точке, которую нам случилось запомнить, но уже в тот момент наша жизнь была чрезвычайно сложна»¹⁶.

¹⁴ Шопенгауэр А. Новые Paralipomena // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 6. С. 16.

¹⁵ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 // Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 417.

¹⁶ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. М.; Львов, 1998. С. 17.

Когда мы говорим о человеке, кого мы имеем в виду? Александра Македонского или Исаака Ньютона, русского или француза, крестьянина или ремесленника, мужчину или женщину, взрослого или ребенка? Можно сказать, что человек – это все жившие когда-то и живущие сейчас люди. Но часто одни люди убивают других людей, т. е. отказывают им в праве быть людьми, один человек иногда относится к другим как к существам низшего порядка, считая их винтиками, которые необходимы для осуществления его замыслов, пушечным мясом для ведения войны и т. п.

Во многих людях так часто прорывается жуткое животное начало, такая бешеная злоба и ненависть, что про них можно подумать: полноте, люди ли это? Порой сами условия существования заставляют человека подавлять в себе человеческие качества, прятать их, постоянно изменять своей природе. «Во всех стихиях человек – палач, предатель или узник», – писал Пушкин. Каждый из людей называет себя человеком, но далеко не все признают это. Да он и сам не во всех признает такого же человека. Следовательно, часто этот термин не соответствует действительности. Человек – это существо, которое не всегда соответствует своему определению.

Рассуждая о человеке, мы имеем в виду самих себя. Но может возникнуть вопрос: а что дает нам право говорить о себе как о человеке? Что делает нас людьми? Нужно признаться, что у нас нет разумных оснований считать себя людьми. Говорят: я состоялся как физик или как изобретатель, но никто не говорит: я состоялся как человек. Древние говорили: состояться как человек – значит построить дом, написать книгу, вырастить дерево. Но многие люди этого не делали. Можно ли отказать им в праве называться людьми?

Когда мы знакомимся с человеком, нас прежде всего интересуют не его человеческие качества, а то место, которое он занимает в обществе, т. е. социальные характеристики. Человек как будто «исчезает» в современной цивилизации. Он превращается в социальную функцию и изо всех сил старается этой функции соответствовать. Например, стыдится проявлять свои человеческие слабости. И это «исчезновение» заявляет проблему человека с новой силой. Ни в одну эпоху взгляды на происхождение и сущность человека не были столь ненадежными, неопределенными и многообразными, как сейчас. «Что за химера – человек? – восклицал Блез Паскаль. – Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной. Кто распутает этот клубок?.. Узнай же, гордый человек, что ты – парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека...»¹⁷

Никто другой, считал Паскаль, не постиг, что человек – превосходнейшее из созданий. И тем не менее люди оценивают себя то слишком высоко, то слишком низко. Поднимите ваши глаза к Богу, говорят одни, смотрите на Того, с Кем вы так схожи и Кто вас создал, чтобы вы поклонялись Ему. Вы можете стать подобны Ему, мудрость вас с Ним уравнивает, если вы захотите ей следовать. Еще древнегреческий мыслитель Эпиктет говорил: «Выше голову, свободные люди!» А другие говорят: «Опусти свои глаза к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих сотоварищей».

Кто же все-таки человек и с кем его можно сравнивать – с Богом или с животными? Какое страшное расстояние между этими ипостасями и какая страшная растерянность у человека, который явно сбился с пути, в большой тревоге ищет этот путь и не может найти. Человек, писал Б. Паскаль, окружен со всех сторон пугающей бесконечностью: с одной стороны, Вселенная, в которой Земля – крохотная точка, а человек – вообще исчезающе малая величина; с другой стороны, бесконечность внутри мельчайшего атома, бесконечность ничтожнейшего продукта природы вглубь. И человек стоит между двумя безднами – бесконечностью и

¹⁷ Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 110.

ничтожностью – и трепещет при виде этих чудес. Но что значат эти бесконечности в сравнении с человеком: хоть он и песчинка в космосе, хрупкий тростник, но тростник мыслящий. Не нужно ополчаться против него всей Вселенной, чтобы его раздавить, – облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть Вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что он умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает¹⁸.

Сила, создавшая человека, создала и самую большую загадку для него – загадку его собственной сущности, и человек всю жизнь и на протяжении всей истории пытается ее разгадать.

Богатство и разнообразие биологических особенностей человека, его характеров, вкусов, привычек всегда соблазняли исследователей и толкали их на поиски типологии человека, на попытки классифицировать людей, свести их к неким видам или классам и хоть как-то упорядочить многообразные формы темперамента, телесной развитости, строения головы, формы лица, склада характера. Здесь больше всего преуспели психологи, изучающие черты характера. Еще в XIX в. Э. Ледо в работе «Трактат о человеческой физиономии» разделил всех людей на пять категорий по форме головы. Тип с четырехугольной головой обладает энергичной натурой и твердостью характера, отличается решительными мыслями и действиями, у него особенно развит практический смысл. Треугольная голова указывает на энергию, которая проявляется толчками и вспышками, но без последовательной настойчивости. Индивидуумы этого типа осторожны, хитры, не прочь приврать, находчивы и остроумны; круглоголовые типы отличаются большой инициативой и энергией, они толковы и умны, но у них размышление следует за действием. Непредусмотрительность и неблагоразумие, их обычные качества, причиняют им много забот и часто ставят их в затруднительные положения. Представители овального типа характеризуются крайней подвижностью и развитой впечатлительностью. Они живут в постоянной неустойчивости, беспрестанно меняя свои предпочтения, желания и вкусы, обыкновенно начинают сразу тысячу дел, не оканчивая ни одного, но обладают живым умом и талантливостью. И наконец, тип с конусообразной головой имеет очень развитую практическую хватку, это реалист в полном смысле этого слова. Обладает некоторой тонкостью ума и большим тактом. Честолюбив, любит показываться на публике, председательствовать на разных собраниях. Обладает веселым нравом, общителен, но трусоват. Любовь к порядку и правильному образу жизни – его обычные достоинства. Он искусный администратор, способен к редакторским, банковским и финансовым делам¹⁹.

Немецкий психиатр и психолог Э. Кречмер был убежден, что люди с определенным типом телосложения имеют определенные психические особенности. Он делил всех людей на три типа: астенический, пикнический и атлетический. Астеник имеет хрупкое телосложение, высокий рост, вытянутое лицо, длинный тонкий нос. Пикник (от греч. – толстый, плотный) – среднего или малого роста, с богатой жировой тканью, расплывшимся туловищем, круглой головой на короткой шее, с мелким широким лицом. Атлетик имеет хорошую мускулатуру, крепкое телосложение. Отсюда, по Кречмеру, вытекают три типа темперамента: шизотимик – это астеник, упрям, малопокладлив к изменениям, обнаруживает предрасположенность к шизофрении; циклотимик – как правило, пикник, постоянно колеблющийся между радостью и печалью, при нарушении психики обнаруживает предрасположенность к маниакально-депрессивному синдрому (психозу); иксотимик – человек атлетического сложения, отличается невысокой гибкостью мышления, спокоен, маловпечатлителен, при психических расстройствах проявляет предрасположенность к эпилепсии²⁰.

¹⁸ См. там же. С. 136–137.

¹⁹ См.: *Щекин Г. В.* Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешнему облику. М., 1992.

²⁰ См.: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М.; Л., 1924. Гл. 2.

Зависимость темпераментов от типа телосложения попытался показать Уильям Шелдон. Он выделил три типа телесной конституции, определяющих характер человека: висцеротоники (от лат. – внутренности), соматотоники (от лат. – тело) и церебротоники (от лат. – мозг). «Мозговой» тип – это человек, живущий исключительно головой, интеллектом. У него постоянная потребность в одиночестве, сдержанность, некоторая скованность и напряженность поведения и одновременно быстрое реагирование на изменение ситуации. С детства это хилый, физически не развитый ребенок, в школе отличник, все время решает какие-нибудь головоломные задачи, замкнутый, стеснительный, но гордится своими достижениями. «Мускульный» тип – это человек, для которого главное – его тело, он все время занимается спортом, тренируется. У него постоянная потребность в движении, он активен, энергичен, хочет командовать другими, что-то делать. В детстве он, как правило, учится слабо, списывает задачки у «мозгового» и за это покровительствует ему. Такого человека сейчас называют образным словом «качок». Наконец, для «желудочного» типа главное – еда. Он постоянно думает о еде, у него в портфеле пирожки или бутерброды и всегда замасленные тетради. Став взрослым, он готовит пищу сам, жене не доверяет, он гурман и знает тысячи рецептов приготовления всяких блюд. У него все время хорошее настроение, хорошее пищеварение, ненапряженное поведение, потребность в контактах, стремление к согласию. Эта классификация кажется шуточной, но каждый человек в себе или в своих знакомых может найти качества того или иного типа²¹.

Немецкий философ Эдуард Шпрангер, размышляя о проблеме выбора человеком места на социальной лестнице и о воспитании как подготовке к этому, утверждал, что в воспитании следует ориентироваться на различные типы личности. Шпрангер предложил типологию из шести вариантов характеристики личности: экономический (со склонностями к хозяйственной деятельности), теоретический (стремящийся к научной деятельности), эстетический (с тягой к искусству), социальный (ярко выраженный альтруист), политический (рвущийся к власти) и религиозный. Психологические и ценностные установки личности, выделенные на основе данной типологии, являются главными критериями при определении путей воспитания, считал Шпрангер²².

Психоаналитики попытались выявить типологические черты личности на основе анализа характеров. Характер – это продукт компромиссов между бессознательным и влиянием внешней среды. Знание характера позволяет прогнозировать поведение индивидуума, а также увидеть истинный характер, отличающийся от того, который индивид сознательно, чаще всего совершенно искренне, демонстрирует. Одно из назначений характера – скрывать истинный характер, поэтому классификация служит не только картотеккой, но и ключом.

Последователи З. Фрейда на основании его учения выделяли три типа, которые можно было соотнести с фазами сексуального развития в детстве: «оральный», «анальный» и «генитальный» характеры. Согласно теории Фрейда, ребенок в своем развитии проходит эти три стадии: оральная выражается в сосании (материнской груди или пальца) и в получении от этого удовольствия, близкого к сексуальному, это как бы латентная сексуальность; анальная стадия – получение удовольствия от сдерживания в себе экскрементов или их выделения; последняя, генитальная фаза характерна тем, что ребенок окончательно связывает сексуальное удовлетворение с гениталиями. Так развивается любой нормальный ребенок, но бывают отклонения, когда происходит психическая фиксация на более ранних фазах (или редукция к ним), которая продолжается в последующей жизни индивида. Затем эти типы, как замечал последователь Фрейда Э. Гловер, будут различаться в зависимости от того, как развивался характер в определенной фазе: удовлетворялись ли инстинкты, или имело место разочарование (фрустрация).

²¹ См.: Шелдон У. Анализ конституционных различий по биографическим данным // Психология индивидуальных различий. М., 1986.

²² См.: Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 55–59.

Субъекты с удовлетворенным «оральным» характером, как правило, оптимистичны и щедры, а обладающие фрустрированным «оральным» характером – нетерпеливы, завистливы, жадны, легко впадают в депрессию. Удовлетворенный «анальный» тип покладист, щедр, пунктуален до педантичности, во всем любит порядок, фрустрированный «анальный» тип жаден, его любовь к наведению чистоты граничит с абсурдом и т. д.²³

Э. Гловер, комментируя и развивая идеи Фрейда относительно типологии характеров, выделял группы с классическими формами умственных расстройств, считая, что подобные расстройства в той или иной степени присущи любому человеку. Все человечество, считал он, можно разделить на истерический, невротический, депрессивный, алкоголический, ипохондрический, параноидальный, шизоидный и психопатический типы. Большинство людей относятся к тому или иному типу только потенциально, но в случае нервного срыва они могут в полной мере проявить свой невроз, психоз или психопатию.

Более обоснованное деление людей на разные психологические типы дал знаменитый швейцарский психиатр Карл Густав Юнг. Одна из его книг так и называется «Психологические типы». Все люди, по мнению Юнга, делятся на две группы: экстраверты и интроверты. Причем это различие возникает очень рано, настолько рано, что, возможно, оно имеет наследственный характер. Экстраверт – это человек, ориентированный вовне, в мир, это открытый тип; интроверт ориентирован внутрь себя, это тип замкнутого, закрытого человека.

Ребенок-экстраверт рано приспосабливается к окружающей среде, он не боится никаких вещей и предметов, любит играть с ними и через это быстро обучается. Для него характерно бесстрашие, склонность к риску, его привлекает все неведомое и неизвестное. В то же время он не очень склонен к задумчивости, не любит одиночества.

Экстраверт характеризуется отзывчивостью и интересом ко всем внешним событиям: кричит кто-нибудь во дворе или идет где-нибудь в мире война – он полностью этим поглощен. Он способен выносить суматоху и шум любого рода, поскольку находит в этом удовольствие. Он все время хочет быть в центре внимания и даже согласен изображать из себя шута, лишь бы не остаться в тени. Он заводит много друзей и знакомых без особого разбора, любит быть рядом с каким-нибудь известным человеком, чтобы демонстрировать себя. У него нет секретов, он не может их хранить долго и делится ими с другими. Он живет в других и для других и боится любых размышлений о себе. Экстраверт, считал Юнг, как бы погружен в темноту. Он прячет свое субъективное начало от самого себя под покровом бессознательного. Нежелание подчинять свои собственные мотивы критическому осмыслению выражено у него очень явно. Если у него и имеется «комплекс», он находит прибежище в социальном окружении, в суматохе и любит, чтобы по нескольку раз в день его уверяли, что все в порядке.

Интроверт с самого детства задумчив, застенчив, боится всего неизвестного, внешние влияния обычно воспринимает с сильным сопротивлением. Ребенок-интроверт желает все делать по-своему и не подчиняется правилам, которые не может понять. Его реальный мир – внутренний. Он держится в отдалении от внешних событий, ему не по себе, когда он оказывается среди большого коллектива, в больших компаниях он чувствует себя одиноким и потерянным. Такой человек обычно выглядит неловким, неуклюжим, зачастую нарочито сдержанным. Поскольку он мрачно недоступен, на него часто обижаются. В его картине мира мало розовых красок, он сверхкритичен и в любом супе обнаружит волос. Для него сущее удовольствие – размышлять о себе самом. Его собственный мир – безопасная гавань, отгороженный сад, закрытый для публики и спрятанный от посторонних глаз. Тем не менее он часто добивается больших успехов в науке, если сумеет преодолеть свои комплексы. «Он окружает себя колючей проволокой затруднений настолько плотно и непроницаемо, что в конце концов сам же предпочитает делать что-то, чем отсиживаться внутри. Он противостоит миру тщательно раз-

²³ См.: Гловер Э. Фрейд или Юнг. СПб., 1999. С. 97.

работанной оборонительной системой, составленной из скрупулезности, педантичности, умеренности и бережливости, предусмотрительности, “высокогубой” правильности и честности, болезненной совестливости, вежливости и открытого недоверия»²⁴.

Но внутри каждой группы есть огромные различия. Так, разные интроверты по-разному реагируют на сходные обстоятельства. Интеллектуал приспособляется к миру с помощью своего интеллекта, а боксер с помощью кулаков. Поэтому Юнг в качестве критериев различия внутри одного типа взял соответствующие психические функции: мышление, ощущение, чувство и интуицию. Таким образом, в каждой установке есть мыслительный, чувственный, ощущающий и интуитивный типы.

Следовательно, можно выделить восемь основных вариантов человеческих характеров:

1) интровертированный мыслитель, которого концепция интересует больше, чем факты, высокомерный теоретик, с догматичным мышлением, обделенный эмоциями и интуицией, с притупленными чувствами, однако чувствительный к критике;

2) экстравертированный мыслитель, исповедующий культ фактов, на основе которых любит строить теории, нетерпимый фанатик, склонный вербовать себе сторонников;

3) эмоциональный интроверт (женственный тип), который все оценивает, основываясь на эмоциях, и реагирует на все сильной любовью или неприязнью, бестактный и несведущий в области межличностных отношений, то и дело попадающий впросак;

4) эмоциональный экстраверт (также женственный тип), который отождествляет себя с другими, склонен выплескивать свои эмоции в отношениях с внешним миром, легковверен, любит давать всему завышенную оценку, не способен к размышлению;

5) чувственный интроверт – иррациональный и непредсказуемый тип, реагирующий на все исходя из субъективных переживаний, сенсуалист, проецирующий свои бессознательные страхи на мир;

6) чувственный экстраверт, испытывающий постоянную жажду внешних раздражений, которые должны быстро меняться, чтобы ему не надоест, нетерпеливый, эгоистичный, ищущий удовольствий;

7) интуитивный интроверт, мало заботящийся о внешних обстоятельствах, переменчивый и ненадежный во взаимоотношениях с другими, воспринимающий мир сквозь призму своего коллективного бессознательного;

8) интуитивный экстраверт – колеблющийся, переменчивый, импульсивный и самоуверенный, нередко ошибающийся при взаимоотношениях с другими, но неоценимый помощник в беде²⁵.

У последователя Фрейда Эриха Фромма ориентации характера человека рассматриваются как стабильные и не меняющиеся со временем. Правда, здесь речь идет уже о социальных типах. Фромм выделял пять социальных типов характера, преобладающих в современных обществах. Эти социальные типы, или формы установления отношений с другими, представляют собой взаимодействие экзистенциальных потребностей и социального контекста, в котором живут люди. Фромм разделил типы на два больших класса: непродуктивные (нездоровые) и продуктивные (здоровые) типы. К категории *непродуктивных* относятся рецептивный, эксплуатационный, накапливающий и рыночный типы характера. Категорию продуктивных представляет тип идеального психического здоровья, как понимает его Фромм. Фромм отмечал, что ни один из этих типов характера не существует в чистом виде, поскольку непродуктивные и продуктивные качества сочетаются у разных людей в разных пропорциях. Следовательно, влияние конкретного социального типа характера на психическое здоровье или болезнь зависит от соотношения позитивных и негативных черт, проявляющихся у индивидуума.

²⁴ Юнг К. Психологические типы. СПб.; М., 1995. С. 654.

²⁵ См.: Гловер Э. Указ. соч. С. 106–107.

Рецептивные типы убеждены в том, что источник всего хорошего находится вне их самих. Они открыто зависимы и пассивны, не способны делать что-либо без посторонней помощи и думают, что их основная задача в жизни – быть скорее любимыми, чем любить. Рецептивных индивидуумов можно охарактеризовать как пассивных, доверчивых и сентиментальных. Если отбросить крайности, то люди с рецептивной ориентацией могут быть оптимистичными и идеалистичными.

Эксплуатирующие типы берут все, что им нужно или о чем они мечтают, силой или изобретательностью. Они тоже не способны к творчеству и поэтому добиваются любви, обладания, заимствуя все это у других. Негативными чертами эксплуатирующего типа характера является агрессивность, надменность и самонадеянность, эгоцентризм и склонность к соблазнению. К положительным качествам относятся уверенность в себе, чувство собственного достоинства и импульсивность.

Накапливающие типы пытаются обладать как можно большим количеством материальных благ, власти и любви, они стремятся избегать любых притязаний на свои накопления. В отличие от первых двух типов «накопители» тяготеют к прошлому, их отпугивает все новое. Они напоминают анально-удерживающую личность, по Фрейду – ригидные, подозрительные и упрямые. Согласно Фромму, у них есть и некоторые положительные особенности – предусмотрительность, лояльность и сдержанность.

Рыночные типы исходят из убеждения, что личность оценивается как товар, который можно продать или выгодно обменять. Эти люди заинтересованы в сохранении приятной внешности, знакомствах с нужными людьми и готовы продемонстрировать любую личностную черту, которая повысила бы их шансы на успех при продаже себя потенциальным заказчиком. Их отношения с окружающими поверхностны, их девиз: «Я такой, каким вы хотите меня видеть».

В противоположность непродуктивной ориентации *продуктивный* тип характера представляет собой, с точки зрения Фромма, конечную точку в развитии человека. Это тип независимый, честный, спокойный, любящий, творческий и совершающий социально полезные поступки. Фромм рассматривал эту ориентацию как ответ на противоречия человеческого существования, присущие обществу. В ней проявляется способность человека к продуктивному логическому мышлению, любви и труду. По существу, продуктивная ориентация в гуманистической теории Фромма – это идеальное состояние человека²⁶.

Еще одну интересную и оригинальную классификацию типов характера по социальным признакам дала Карен Хорни в своей книге «Наши внутренние конфликты». Она разделила список из десяти потребностей на три основные категории. Каждая из категорий представляет собой стратегию оптимизации межличностных отношений с целью достижения чувства безопасности в окружающем мире. Иначе говоря, стратегическое действие заключается в снижении тревоги и достижении более или менее приемлемой жизни. Кроме того, каждой стратегии сопутствует определенная основная ориентация в отношениях с окружающими людьми.

Ориентация **на** людей: *уступчивый тип*. Ориентация на людей предполагает такой стиль взаимодействия, для которого характерны зависимость, нерешительность и беспомощность. Человеком, которого Хорни относит к уступчивому типу, руководит иррациональное убеждение: «Если я уступлю, меня не тронут».

Уступчивому типу необходимо, чтобы в нем нуждались, любили его, защищали и руководили им. Такие люди завязывают отношения с единственной целью – избежать чувства одиночества, беспомощности и ненужности. Однако за их любезностью может скрываться подавленная потребность вести себя агрессивно. Хотя кажется, что такой человек смущается

²⁶ См.: Фромм Э. Гуманистический психоанализ. СПб., 2002. С. 279–300.

в присутствии других, держится в тени, под этим часто скрывается враждебность, злость и ярость.

Ориентация **от** людей: *обособленный тип*. Ориентация от людей как стратегия оптимизации межличностных отношений обнаруживается у тех индивидуумов, которые придерживаются защитной установки – «мне все равно». Люди, которых Хорни относит к обособленному типу, руководствуются ошибочным убеждением: «Если я отстранюсь, со мной будет все в порядке». Для них характерна установка никоим образом не дать себя увлечь, идет ли речь о любовном романе, работе или отдыхе. В результате они утрачивают истинную заинтересованность в людях, привыкают к поверхностным наслаждениям – они просто бездумно идут по жизни. Для этой стратегии характерно стремление к уединению, независимости и самодостаточности.

Ориентация **против** людей: *враждебный тип*. Ориентация против людей – это такой стиль поведения, для которого характерны доминирование, враждебность и эксплуатация. Человек, относящийся к враждебному типу, действует исходя из иллюзорного убеждения: «У меня есть власть, никто меня не тронет». Враждебный тип придерживается мнения, что все другие люди агрессивны и что жизнь – это борьба против всех. Поэтому любую ситуацию или отношения он рассматривает с позиции «что я от этого буду иметь?», независимо от того, о чем идет речь – деньгах, престиже, контактах или идеях. Хорни отмечала, что враждебный тип способен действовать тактично и дружески, но в итоге его поведение всегда нацелено на обретение контроля и власти над другими. Все направлено на повышение собственного престижа, статуса и удовлетворение личных амбиций. Таким образом, в данной стратегии выражается потребность эксплуатировать других, получить общественное признание и восхищение²⁷.

Все вышеприведенные авторы считали, что в чистом виде никаких типов не бывает и человека можно отнести к какому-либо типу лишь условно, по проявляемой им склонности характера. Нам вообще представляется, что принадлежность людей к тому или иному типу более или менее ярко может проявляться лишь в детстве или в эпоху становления личности. Человек же развитой душевной и духовной жизни может нивелировать, свести на нет все односторонности своего характера и психики. Вряд ли можно с уверенностью сказать, к какому типу относились Кант, Декарт, Ницше или Фрейд. Даже если в поведении Канта или Декарта выступало на первый план интровертивное начало, оно никаким существенным образом не выражалось в их творчестве. Часто можно видеть людей ярко выраженного «моторного» или «эластичного» типа, занимающихся напряженной интеллектуальной деятельностью, или человека, внешне относящегося к дифференциальному типу, но внутренне бездарного и бездеятельного. Нам кажется, что уместно было бы привести следующий пример: в стране, где много диалектов, местных говоров, интеллигенция всех областей говорит одинаково – на правильном литературном языке, преодолевая еще в юности особенности местных диалектов и наречий. В этом же смысле человек является духовно значимым постольку, поскольку преодолел свою типологическую ограниченность. В его характере, поведении, трудах гораздо яснее и полнее проступают общечеловеческие черты.

Поэтому, в отличие от попыток психологического или социального структурирования типов личности, мы предлагаем философско-метафизическую типологию, которая не отрицает все предшествующие попытки типизации человека, но существенно, на наш взгляд, дополняет их.

²⁷ См.: Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995. Гл. 3–5.

Человек естественный

Как уже говорилось во введении, человек в собственном смысле этого слова – это человек искусственный. Он искусственен потому, что не является продуктом эволюции, он продукт культуры, а не природы, он сам себя создает. Быть человеком – любить, страдать, мыслить, надеяться – это самое искусственное состояние. В природе нет таких законов, по которым мы должны любить друг друга или жить по совести. Нет причин, которые заставляют человека любить или делать добро, зато сколько угодно причин (как и оправданий) можно найти для любого злого поступка, для ненависти или зависти. И все истинно человеческие качества держатся только на усилении. Нет усиления – нет человека.

В этом смысле живущего в нас естественного человека можно назвать дочеловеком, не потому, что он еще не вышел из животного состояния, продолжает оставаться обезьяной, а потому, что усилия, делающие человека человеком, для него – случайные, спорадические явления. Он считает себя продуктом природы, более того – венцом ее творения. Он возлагает надежды на естественный ход развития мира: постепенно и автоматически все становится лучше, человек добрее и умнее, постепенно торжествует технический и социальный прогресс, и каждый получит ту долю силы, богатства и ума, которую он заслуживает как человек.

Похожим образом каждый человек в юности верит (пусть даже смутно и неотчетливо) в то, что его жизнь состоится, что она будет счастливой, яркой, богатой, что он не зря появился в этом мире, что есть спрятанная где-то сокровищница знаний, надо только добраться до нее, и станешь умным. Есть какие-то механизмы преуспевания, изучив которые можно стать удачливым и богатым. Все зависит от места, которое ты занимаешь или которое нужно получить, чтобы разрешить все свои жизненные проблемы. Есть некая предопределенность жизни, делающая ее прямой и ясной дорогой, все отклонения от которой случайны, их можно предотвратить, если быть все время настороже и не делать очевидных глупостей. Жизнь должна приносить удовольствие и радость, и здесь главное – найти место или тот образ жизни, который даст возможность получать эти удовольствие и радость²⁸.

Человек естественный – это человек, живущий в автоматическом режиме, он верит только во внешние обстоятельства и не думает о себе, как об отдельном, уникальном, ни к чему не сводимом и ни из каких природных и социальных механизмов не выводимом индивидууме. Его не страшит ужас «невывекания», о котором он смутно догадывается: сегодняшней день не вытекает автоматически из вчерашнего, никакие условия и обстоятельства его жизни не могут безусловно и однозначно определить ее развитие. Естественный человек в сознательной жизни старается не замечать, что перед ним стена: все дела уже сделаны, все мысли высказаны, все книги написаны, и ему в этом мире, по большому счету, делать нечего. И нужны невероятные усилия для того, чтобы раздвинуть скрепленные глыбы стены и встать, хотя бы одной ногой, на свое, никем не заместимое место, найти то дело, которое вместо него никто не сделает.

Но поскольку его не страшит ужас «невывекания», поскольку он не замечает никакой стены перед собой, то он человек по преимуществу счастливый. И если он страдает от чего-либо, то только от недостаточной удовлетворяемости своих естественных желаний, хотя страдают далеко не все. Подавляющее большинство эту недостаточность просто не замечают или считают естественной, так же как естественными считают три самых главных блага: здоровье, молодость и свободу – и вспоминают о них, только потеряв. В этом смысле счастье естественного человека носит отрицательный характер. Поэтому, как уже отмечалось, естественные

²⁸ «И всех подобных... людей можно сравнить с детьми по нетронутой, непроясненной мысли непосредственности своей натуры. Сознательно развившаяся личность уже не может радоваться таким образом: она перестала быть ребенком, хотя, может быть, сохранила некоторые его душевные черты» (*Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994. С. 265*).

люди чаще всего обращены к прошлому. Старея и теряя здоровье, они с любовью вспоминают минувшие дни, твердо верят в то, что раньше, как бы ни тяжела была их жизнь, они были счастливы. И не только они сами – все было другим: страна, климат, качество пищи и красота женщин.

Естественный человек – необходимая составляющая часть нашей сущности. В нас очень много естественного, того, что идет не от нас, а от природы: лень, жадность, агрессивность, злоба, зависимость от капризов настроения, случайностей нашей жизни. Мы можем прекрасно сознавать это, но очень часто не в силах изменить. Дух очень слаб в сравнении с телом, с природой, и нам остается только вздыхать или взывать к Богу: «Из глубины взываю к тебе, Господи! Услыши глас мой!»

Утраченный рай

Естественный уровень бытия человека – это тот уровень, на котором живут страстями, эмоциями, полагаясь не столько на сознание, сколько на инстинкты и мощь своего тела. Если во многом знании многие печали, то счастливым можно быть только в естественном состоянии. В искусственном, человеческом, состоянии все разрушает рефлексия, сомнения, неуверенность в подлинности своего существования. Сознание убивает непосредственность впечатления, заставляет критически относиться к переживаниям. В самый яркий момент счастья сознание подсовывает мысль о том, что это мгновение скоро пройдет. Часто эта мысль приходит тогда, когда мгновение еще не наступило. Поистине удачливы те люди, которые могут в минуты опасности «выключить» сознание, превратиться в сильного и яростного зверя, всю свою энергию вложить в единый порыв и сделать то, что не по силам обыкновенному человеку. Лучшие мгновения наступают тогда, когда человек весь отдается страсти, стихии, борьбе, когда он чувствует себя кулаком, отбивающим одновременно десяток ударов, когда он мгновенно принимает решение, спасающее его жизнь или приумножающее его капитал, когда он вдруг находит слова, которым люди беспрекословно верят.

«Строго говоря: чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь... Пропорционально накоплению сознания теряет он и жизненную способность. Итак, говоря вообще: сознание убивает жизнь... Сознание – болезнь. Не от сознания происходят болезни (что ясно как аксиома), но само сознание – болезнь»²⁹

²⁹ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 251. «...В той степени, в какой усиливается отчетливость познания и возвышается сознание, возрастает и мука, и своей высшей степени она достигает в человеке, и здесь опять-таки она тем сильнее, чем яснее познает человек, чем он интеллигентнее: тот, в ком живет гений, страдает больше всех. Именно в этом смысле, т. е. в смысле силы познания вообще, а не просто абстрактного знания, я понимаю и привожу здесь знаменитое изречение Когелета: “И кто умножает познания, умножает скорбь”» (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 1. С. 265).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.